

В композиционном плане этот роман представляет собой причудливый синтез достоверных фактов с художественным вымыслом и с вечными заповедями Священной книги ислама.

Гусейнов Ч. Избранное. М., 1988. 608 с.

Гусейнов Ч. Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина : роман : Кораническое повествование о пророке Мухаммеде. М., 2003. 511 с.

Соловьев В. С. Избранное / сост. А. В. Гулыга, С. Л. Кравец ; вступ. ст. А. В. Гулыги ; примеч. С. Л. Кравца. М., 1990. 496 с.

Фараджев К. Владимир Соловьев: мифология образа. М., 2000. 153 с.

Чаадаев П. Я. Философические письма : Статьи. Афоризмы. Письма. М., 2006. 241 с.

Статья поступила в редакцию 21.06.2011 г.

УДК 821.161.1-145

А. Г. Маслова

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ЗЕМНОГО БЫТИЯ: ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ПОЭЗИИ ЖУРНАЛА «ПОЛЕЗНОЕ УВЕСЕЛЕНИЕ»

Рассматриваются поэтические тексты журнала «Полезное увеселение», издававшегося М. М. Херасковым при Московском университете в 1760—1762 гг. Анализируются произведения религиозно-духовного содержания и стихотворные письма, которые до сих пор не были предметом исследовательского внимания. Подчеркивается, что целостное мироощущение авторов журнала отражается не в отдельных поэтических текстах, а в совокупности произведений различных жанров, так как каждый жанр в классицизме был приспособлен для изображения какой-то одной стороны жизни. Направленность журнала на изображение частного человека позволяет поэтам отразить сложность и противоречивость человеческой природы и земного бытия человека.

Ключевые слова: жанры русской поэзии XVIII в.; философская поэзия; образ человека; земное бытие.

Журнал «Полезное увеселение», издававшийся при Московском университете в 1760—1762 гг., по праву считается первым русским литературным журналом, авторы которого связаны единым направлением [Гуковский, 2003, с. 154], а публикуемый материал свидетельствует о наличии группы писателей, «стоящих на более или менее одинаковой идейно-художественной платформе» [Федоров, с. 172]. В журнале печатались произведения различных жанров, причем торжественные оды, посвященные царствующим монархам, являвшиеся в этот период ведущим жанром русской литературы, занимали в издании М. М. Хераскова далеко не первое место. Спектр поэтических

текстов, представленных в журнале, свидетельствует о разнообразии русской поэзии конца елизаветинской эпохи и формировании определенных традиций не только в жанре торжественной панегирической и духовной лирики, но и в других лирических жанрах.

Следует отметить, что поэтические тексты «Полезного увеселения» до сих пор не являлись предметом устойчивого исследовательского интереса, несмотря на то, что в журнале представлена альтернативная официально поддерживаемой литературе линия развития русской поэзии, которая впоследствии, в эпоху кризиса абсолютистской идеологии и увлечения сентиментализмом, выйдет на первый план. Более того, в некоторых случаях звучат весьма пренебрежительные отзывы о поэтических опытах авторов журнала, которые следовали литературной позиции А. П. Сумарокова с его отрицательным отношением к «надутости» слога, но не имели свойственного признанному теоретику русского классицизма «сознания общественной важности литературы» и «вкуса к работе над стихом» [см.: Западов, 1979, с. 168].

Особенности поэзии университетских журналов начала 1760-х гг. в той или иной степени рассмотрены в трудах Г. А. Гуковского [2001; 2003, с. 154–155], А. В. Западова [1984, с. 177–185], а также обзорно описаны в учебнике В. И. Федорова [1990, с. 171–181]. Данные работы дают представление о ведущих творческих принципах поэзии, особенностях поэтики и своеобразии мировосприятия авторов «Полезного увеселения», однако это исследования обзорного характера, в задачу которых входит лишь общее ознакомление читателя с русской поэзией XVIII в. или с литературной позицией группы поэтов, близких М. М. Хераскову. Г. А. Гуковский в основном сосредоточил внимание на анализе поэтической техники одного из наиболее плодovitых авторов «Полезного увеселения» — А. А. Ржевского, который к концу 1760-х гг. полностью отказывается от поэтической практики, посвятив свою жизнь чиновнической деятельности. О творческих поисках А. А. Ржевского упоминается также в работах Ю. И. Минералова [2003, с. 107–110] и М. Л. Смузиной [1974]. В. И. Федоров и А. В. Западов анализируют особенности мировосприятия и общественно-политической позиции авторов журнала, однако тот факт, что их работы писались в советский период, накладывает особый отпечаток на исследовательскую интерпретацию, отличающуюся идеологической однобокостью и невниманием к существенным сторонам поэтического мироощущения писателей. А. В. Западов, обращаясь к анализу поэзии «Полезного увеселения», подчеркивает отсутствие интереса поэтов к сатирической тематике и преобладание пессимистических настроений в их творчестве [см.: Западов, 1984, с. 179]. Однако сатирические произведения занимают немалое место среди поэтических публикаций журнала, что замечено В. И. Федоровым, который, анализируя особенности изображения человека и его земной жизни в журналах «Полезное увеселение» и «Свободные часы», так же как и А. В. Западов, отмечает пессимистическое восприятие поэтами окружающей действительности. Исследователь подчеркивает, что, «задумываясь о смысле бытия, писатели прежде всего обращали внимание на непрочность, быстротечность и переменчивость всего сущего. Это относилось и к природе (макрокосму), и к человеческой жизни (микрокосму)»

[Федоров, с. 175]. В данном описании жизненных взглядов поэтов «Полезного увеселения» отсутствует очень важная составляющая — осознание Божественного присутствия в мироздании и роли Творца в жизни каждого человека. Религиозные мотивы занимают существенное место в поэтических текстах журнала, включение их в сферу исследовательского анализа ведет к смещению акцентов в описании художественного мироощущения участников изданий М. М. Хераскова начала 1760-х гг. Безусловно, выводы Г. А. Гуковского, А. В. Западова и В. И. Федорова нуждаются в дополнениях и уточнениях.

Обличение порочной жизни светского человека и отрицательное восприятие земного человеческого бытия не являлось столь глобально пессимистическим, как это предстает в интерпретации А. В. Западова и В. И. Федорова. Действительно, целенаправленно подобранные отдельные цитаты и тексты показывают нам негативное отношение поэтов к «ничтожному» человеку, обреченному на страдания в земной жизни, смерть и забвение. Следствие такого отношения — отрицание действительности и желание покинуть порочный земной мир. Однако стоит рассмотреть хотя бы один пример — знаменитые стансы М. М. Хераскова, в которых каждая строфа завершается рефреном: «Боже мой, Боже! Всякий день то же», подчеркивающим бессмысленность всех действий, которые бы ни совершал человек, и всей его жизни в целом. В то же время в финальной строфе стихотворения рефрен меняется, отражая противоречивость человеческой природы. Лирический субъект, выражающий авторское мироощущение, вовсе не готов отказаться от этого суетного мира:

Сколько ни видим
В мире сует,
Не ненавидим —
Любим мы свет.
Боже, о Боже!
Любим и то же [ПУ, 1761, июнь, с. 188].

Следует иметь в виду, что в эпоху классицизма, в рамки которой вписывается поэтика журнала «Полезное увеселение», отдельный поэтический текст определенного жанра предназначался для выражения определенных и, как правило, заранее заданных поэтической традицией тем и мотивов. Как пишет Г. В. Москвичева, характеризуя особенности жанрового мышления в эпоху классицизма, «каждый жанр в отдельности давал представление лишь об одной стороне жизни: возвышенное или низменное, трагическое и комическое никогда не соединялись в одном произведении. Резко обособленные и противопоставленные друг другу, жанровые формы, однако, были объединены в единую систему. <...> Поэтому полнота художественного отображения жизни достигалась в классицизме лишь совокупностью жанров» [Москвичева, с. 6]. Из этого следует, что анализ произведений, посвященных интерпретации темы «на суету жизни», не может привести к целостному представлению о поэтической картине русской поэзии того или иного этапа, так как эти произведения отражают лишь один, а именно негативный, аспект восприятия земной человеческой жизни. То же самое можно сказать и о произведениях, связанных с темой

обличения человеческих пороков. С другой стороны, высокая поэзия представляет другую сторону человеческой жизни, достойную воспевания.

Исследовательская задача описания своеобразия изображения человека и его земного бытия поэтами начала 1760-х гг., печатавшимися в журнале «Полезное увеселение», предполагает всесторонний и комплексный анализ поэтических текстов разных жанров, посвященных различным темам. Именно такой подход лежит в основе предпринятого исследования.

В журнале «Полезное увеселение» ведущее место отводится проблемам, связанным с частной жизнью человека. Несмотря на то, что значительная часть текстов, печатавшихся в журнале, не представляет для современного читателя значимой художественной ценности, тем не менее именно здесь складываются и разрабатываются приемы поэтического отражения противоречивой человеческой природы, закладываются основы русской психологической лирики, которая достигнет своего расцвета в эпоху романтизма. Все это выявляет важность всестороннего исследования поэзии «Полезного увеселения».

Проблемы самопознания, попытка художественно исследовать неразрешимые жизненные противоречия, открывающиеся перед человеком в его земной жизни, оказываются центральными проблемами поэтических размышлений авторов. Земная жизнь человека становится предметом поэтических размышлений в стихотворных письмах-посланиях А. Ржевского, А. Нарышкина, И. Богдановича, А. Карина, а также присутствует в эпистолах, стансах, сонетах, одах (духовных и философских) и стихотворениях, жанр которых прямо не обозначается авторами.

В стихотворных письмах представлены поэтические размышления, адресованные другу-единомышленнику — как правило, тоже поэту, печатавшему свои произведения в «Полезном увеселении». Письма «Полезного увеселения» и нравоучительные эпистолы в совокупности создают целостную философскую концепцию земной жизни человека. Бог, создавший мир, выделил человека из всех земных тварей, наделив его «разумной душой», «живущим вечно духом», призванным познавать величие своего Создателя. Бог дал человеку все для счастья: желания, которые позволяют ощущать радости жизни, и разум, направляющий эти желания на благие цели. Так, А. Нарышкин в «Письме к А... Р...» пишет:

Бог милостию к нам своею бесконечной
Для счастья нашего в сей жизни скоротечной
Различные нам всем желанья даровал
И разум в нас вложил, чтоб ими управлял,
Чтобы желаньям цель была лишь добродетель,
С тем нас всех сотворил Вселенная содетель.

[ПУ, 1761, январь, с. 4]

Создал Творец и чудесный окружающий мир, который может радовать человека, что отмечается в «Письме к А... Н...» А. А. Ржевского: «Довольно в свете сем утех для человека, / Для нашей бренности, для временного века. / Везде приятности для наших глаз растут, / Довольно и сердца утех здесь обретут» [Там же, 8].

Но человек сам виновен в своих бедах, так как идет ложными путями, гоняясь за мнимым блаженством, которое на самом деле только тлен, ведущий к еще большему распространению пороков и зла в человеческом мире. Причина неумения человека находить радости в земной жизни — его неумные желания, которые не могут быть удовлетворены, так как всегда хочется большего. Поэтому человек должен ограничивать свои желания разумом, направлять их по истинному, а не по ложному пути. И. Богданович в «Эпистоле» замечает:

Блажен, кто в суете не даст себя в обман,
Владеет разумом, ему Творцом что дан,
Бедою злость грозить тогда ему не смеет,
Владея разумом, и счастьем он владеет.
Один имеем путь к блаженству мы сему:
Желанья чтоб иметь покорными уму.

[Там же, апрель, с. 127]

Авторы стихотворных писем советуют друг другу не уподобляться тем, кто не находит в этом мире радостей и ропщет на Бога. Они вступают в спор с распространившимся в середине XVIII в. учением деизма, основывающемся на убеждении, что Бог, создав Вселенную, пребывает вне мира и не вмешивается в ход событий. Как убежден А. А. Ржевский, Бог, создав человека, не мог бросить его, обрекая на бесконечные страдания:

Недремлющим с небес на нас взирая оком,
Он бдит о твари всей в рдении глубоком
<...>
На лучший все конец Бог тварь свою склоняет,
И все то хорошо, что Бог определяет.

[ПУ, 1761, август, с. 50]

В свете такого понимания и смерть человека является благом, так как земной мир хорошо устроен лишь для временного пребывания, земная жизнь человека сродни младенческому состоянию души человеческой, которая в своей земной, телесной жизни должна пройти испытания, испробовать ложные пути блаженств и осознать их мнимость, о чем пишет в своем «Письме о бессмертии души» И. Богданович: «Жилище для того земное нам дано, / Чтоб слабой дух еще, дни проводя младенства, / Готовился к другой здесь жизни совершенства» [Там же, октябрь, с. 138–139].

Концепция оправдания Бога («Во всем мы оправдать днесь Бога попечемся» [Там же, август, с. 50]), выстраиваемая авторами «Полезного увеселения», во многом соотносится с идеями немецкого мыслителя Г. В. Лейбница, изложенными в его знаменитых «Опытах теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла» и в трактате «Оправдание Бога на основании его справедливости, согласованной с прочими его совершенствами и всеми действиями». Делая предметом своих размышлений вопрос о человеческой беде и Божьей справедливости, Г. В. Лейбниц утверждает, что только несовершенство человеческого разума не позволяет человеку понять, что живет он в самом

лучшем из миров, потому что мир этот находится «под управлением благого Господа» [Лейбниц, с. 55]. Та же мысль присутствует в поэтических медитациях авторов «Полезного увеселения»: «Здесь счастье растет, блаженство обитает, / Но твой развратный ум его не постигает» [ПУ, 1761, январь, с. 8].

Отвергая одно за другим метафизические построения теологов и философов, вносящих сомнения в мысль о благодати Творца, Лейбниц оправдывает Бога, допускающего зло в мире из принципа целесообразности, подчеркивая, что Бог сам никогда не совершает зла, основание Божественной воли можно найти только в благе, и «благодаря бесконечной мудрости Всемогущего в соединении с его неизмеримой благодатью не могло быть создано ничего лучшего (если принять во внимание все), чем то, что было создано Богом», и, следовательно, «нет ничего более блаженного, как служить столь благому Господину, и поэтому надлежит любить Бога больше всего и всецело на него полагаться» [Лейбниц, с. 475—476]. Эти же идеи в стихотворной форме повторяются в письме А. А. Ржевского, адресованном А. Нарышкину. Автор, так же как и немецкий философ, подчеркивает, что Бог ведет человека наилучшими путями, но только человек не может постигнуть этих путей:

Он всех нас к лучшему невидимо ведет,
 Но нам в судьбы свои проникнуть не дает.
 Грядущее Он все от смертных сокрывает
 Затем, что чрез сие все в свете исполняет.
 Нередко самым тем, что мы бедою чтим,
 Печалей больших мы и бедства избежим,
 Но только мы сперва того не познаваем,
 Затем, что мы судеб Его не постигаем.

[ПУ, 1761, август, с. 50—51]

Завершается письмо А. А. Ржевского поэтической сентенцией, очень близкой к высказыванию Лейбница, призывающего любить Бога и во всем на него полагаться: «С весельем душу я днесь Богу поручаю, / Которого люблю, боюсь и почитаю» [Там же, с. 53].

Как видим, жанр стихотворного письма используется поэтами для оформления своих философских взглядов. Авторами утверждается благодать Бога, создавшего Вселенную и человека. Слабость человека в его земном бытии объясняется младенческим состоянием души, призванной блуждать в начале своего пути в лабиринте ложных «блаженств», чтобы в результате прийти к осознанию истины. Подчеркивается, что земная жизнь устроена Богом таким образом, чтобы человек мог получать в ней разнообразные радости, для чего даны ему чувства и желания. В то же время эти же желания, если они не управляются разумом, ведут к распространению в мире пороков и зла, заставляющих человека страдать. Но неразумное следование желаниям — вина самого человека, и поэты призывают отказаться от обвинений в адрес Бога, посвятив свою жизнь самопознанию, разумному следованию своим желаниям и чувствам. Все это должно способствовать спокойствию души, которая сможет ощущать блаженство в телесном бытии и подготовиться к иной, более совершенной жизни.

Обращаясь к произведениям других жанров, мы видим, что выстраиваемая исходя из идеальной точки зрения концепция счастливой земной жизни человека, заботящегося о разумном следовании своим желаниям и сохранении душевного покоя, в действительности — лишь идеальная концепция. Достичь такого идеального состояния в реальной частной жизни весьма сложно. В земном мире царствует время, благодаря которому все движется и изменяется, все подвержено смерти и тлению. Многочисленные философские стансы развивают эту тему, причем способность всего живого к движению оценивается амбивалентно. Перемены к лучшему всегда желанны, о чем пишет А. А. Ржевский в Стансе «Судьба все превращает...»: «Настав, преидет ненастья, / Наступит свет опять. / Тот, кто терпел несчастья, / Престал уже вздыхать. / Все с временем согласно / Себе премыны ждет» [ПУ, 1761, июнь, с. 207]. Надежда на изменения к лучшему утешает человека в беде, и этой теме посвящено стихотворение Е. В. Херасковой «Надежда».

С другой стороны, неумолимое движение времени постоянно напоминает человеку о приближающейся старости и смерти, о мнимости всех благ, которыми прельщается человек в своей земной жизни. Стихотворение М. М. Хераскова «Время» рисует картину уничтожающего все на своем пути потока времени. Время все уносит в небытие, теряют смысл любые человеческие свершения, обесмысливается сама жизнь, обреченная на смерть: «время все дела людские пожират», «И титлы, и умы удобно время стерть, / Всех обща в свете часть забвение и смерть» [ПУ, 1761, ноябрь, с. 179—180].

Но в стихотворении «Станс» («Непрестанно человек льстится суетою...») тот же М. М. Херасков, размышляя о том, что «все, как тень, пройдет», и задавая вопрос: «И на то ли всяк живет, что с ним вместе все пройдет», решительно отвечает: «Нет!». Существуют в жизни человеческой ценности, которые не могут восприниматься как суетные — это «непорочные сердца и душевна добродетель»: «Умной, честной человек / Делает бессмертным век» [Там же, октябрь, с. 143].

В «Сонете» Е. В. Херасковой «К чему желаешь ты, о смертный, долгий век?..», помещенном в июньском номере журнала (1761), развивается мысль о непрерывных страданиях человека в его земной жизни, и только в смерти видится спасение от этих страданий. В то же время А. А. Ржевский в «Рондо» («Не лучше ль умереть, ты часто рассуждаешь...») иронически обыгрывает мысль о желанной смерти, считая, что мысль эта приходит к человеку только тогда, когда он не получает желаемого — чинов, сокровищ, любви красавицы. Но мысль о смерти хороша лишь тогда, когда нет реальной угрозы этой смерти: «Охотно умереть ты для того желаешь, / Что скоро смерти ты себе не ожидаешь, / И только говоришь: не лучше ль умереть?» [Там же, март, с. 95]. Противоречивая природа человека раскрывается в тот момент, когда он вдруг достигает желанного конца и видит перед собой смерть, в этот момент ему приходит совершенно иная мысль:

Желанного конца уже ты достигаешь:
Идет желанна смерть, ты на нее зриаешь.

Скажи, желаешь ли теперь ты умереть?
Не лучше ль потерпеть? [Там же].

Поэзия А. А. Ржевского, как отмечали Г. А. Гуковский и М. Л. Смусина, выделяется на фоне других авторов «Полезного увеселения», недаром именно Ржевский удостоился в «Опыте словаря русских писателей» (1772), выпущенном Н. И. Новиковым, особой характеристики [см.: Гуковский, 2001, с. 159]. Следует отметить, что творчество А. А. Ржевского, которое широко представлено на страницах журнала «Полезное увеселение», является очень важным шагом в развитии поэзии, открывающей способы изображения человеческих чувств, внутренних противоречий и сомнений, терзающих человека. Создавая в своих дружеских письмах концепцию идеальной спокойной жизни, возможной в случае разумного следования своим желаниям, направленным на добро, в других произведениях поэт раскрывает всю сложность и даже порой невозможность достижения идеала в действительности.

Главное блаженство человека в земной жизни — «в душах», «спокойствием не превратных», как пишет А. А. Ржевский в «Сонете» («Где смертным обрести на свете сем блаженство?..») [ПУ, 1761, июнь, с. 208]. Но в том-то и беда, что спокойствие души почти недостижимо. Человек разрывается в противоречиях, то мечтая о смерти, которая должна положить конец терзаниям и печали («Пройдет моя тоска, и век драгой настанет. <...> Престань меня терзать, окончись, время слезно, / Приди душе покой, сокровище любезно! / Когда же он придет? Как жизнь окончу я» [Там же, с. 184]), то боясь этой смерти, которая прервет счастье и блаженство: «Все то минется, / Все то пройдет, / Счастье прервется, / Смерть как придет» [Там же, апрель, с. 114].

Особенно сложно обрести спокойствие влюбленному сердцу, которое не может найти утехи: «Не может свободиться / И мучиться престать, / Не может отлюбиться, / Не может не вздыхать» [Там же, июнь, с. 207]. Стихи А. А. Ржевского наполнены невыдуманными душевными терзаниями влюбленного сердца: и радующегося счастью любви, и испытывающего боль сомнений и горе разлуки, потому что: «Любовной в свете страсти / Нельзя приятней быть, / И в свете нет напасти / Жесточей, чем любить» [Там же, октябрь, с. 131].

Человек, оказавшийся в земном мире, в силу своей природы слаб, и достижение истинного спокойствия души для него — идеал, который практически недостижим. Душа человека, облеченная в телесную оболочку, обречена на блуждания в лабиринте страстей и ложных ценностей и требует от своего обладателя постоянной борьбы с земной «суетой». В связи с этим важнейшее место в жизни человека отводится его духовному общению с Богом — помощником, защитником, справедливым судьей, совершенным и благим Творцом, положившим в основу бытия закон истинной любви и добра. Немалое место поэтому среди произведений «Полезного увеселения» занимают переложения псалмов, молитвы, оды, сонеты и стихотворения других жанров, разрабатывающие духовно-религиозные темы. И в этих произведениях проявляется настойчивая необходимость авторов использовать различные художественные средства для выражения своих внутренних сомнений. Наиболее подходящим

для этого оказался жанр переложения псалмов, который уже Ломоносовым избирался исходя из желания «как-то выразить свои чувства и мысли по поводу жизненных обстоятельств» [Западов, 1979, с. 98], передать свое настроение в адекватной художественной форме. И. Богданович в «Оде из псалма» — так он обозначил этот жанр («Как утомленный после бегу...») — изображает измученного страданиями человека, надеющегося на духовную поддержку Бога, но осознающего слабость своего духа:

Почто, мой дух, в бедах слабеешь
И сердце, выпускаешь стон?
Защитой Бога ты имеешь,
Твое спасенье будет он.
Душа на Бога уповает,
Но сердце, ах! ослабевает.

[ПУ, 1761, сентябрь, с. 76—77]

Надежда на Бога, благодарность Творцу за поддержку, уверенность в его защите, призывы покарать врагов — таковы традиционные темы религиозно-философской лирики, истоки которой содержатся в Священном Писании, но переживания, становящиеся предметом лирических медитаций поэтов «Полезного увеселения», — глубоко личные, ведь ситуация духовного общения с Богом предполагает исповедальность, откровенное выражение личных сомнений и чувств. Главное, что составляет основу религиозного чувства для авторов журнала, — убеждение в том, что все происходящее с человеком в его земной жизни является благом, даже если человек не может понять этого.

Концепция авторов «Полезного увеселения» близка масонской философии, утверждающей необходимость постоянной духовной работы человека в его земной жизни. По документальным источникам, принадлежащим, правда, более позднему времени, известно, что многие поэты, публиковавшиеся в московских университетских журналах начала 1760-х гг., входили в тайные масонские ложи. Но еще А. В. Западов подчеркивал, что, несмотря на отсутствие документов, свидетельствующих о существовании в Москве в 1760-е гг. масонских лож, однозначно говорить об их отсутствии мы не можем. Известно, что масонская ложа в 1756 г. существовала в Петербурге, в нее входил А. П. Сумароков, чья поэзия служила образцом для авторов журнала М. М. Хераскова. Как справедливо замечает исследователь, «мотивы личного совершенствования, бренности земного, пропаганда образцов добродетели, идеи дружеского братства членов ограниченного кружка людей, думы о загробной жизни, к которой надо готовиться человеку в его земном существовании, — все это типично для масонского умонастроения и заставляет видеть в кружке Хераскова тайную масонскую группу» [Западов, 1984, с. 181]. В. И. Сахаров предлагает рассматривать поэтические образцы журнала «Полезное увеселение» в качестве начального этапа формирования нового литературного течения: «...Организирующей силой и источником творческих идей новых поэтов становится не классицизм (который для стихотворцев-масонов вовсе не отменен,

но отходит в их творчестве на второй план и получает роль чисто служебную), а масонство» [Сахаров, с. 69]. По мнению ученого, русская масонская поэзия (и, шире, масонская литература) должна быть выделена как особое направление русской литературы второй половины XVIII — начала XIX в., имеющее своих предшественников и учителей, истоки и традиции, характеризующееся сознательным уходом от норм классицизма и созданием своего творческого метода.

Таким образом, центральными проблемами поэтических размышлений авторов «Полезного увеселения» оказываются вопросы земного бытия частного человека, который сталкивается в своей жизни с неразрешимыми противоречиями. С одной стороны, согласно разумно выстроенной концепции, в которой признается изначально благое Божественное устройство мира для счастливой жизни человека, в отвлеченных эпистолах создается философия идеального спокойного существования в гармонии с собой и Богом. Эта идеальная концепция во многом схожа с концепцией оправдания Бога Лейбница, а также с масонской философией. С другой стороны, противоречивая природа человека не позволяет достичь идеала, и эта сторона жизни находит отражение в жанрах, открытых для проявления лирических чувств, в частности в любовной лирике. Диалектика любовного чувства в наибольшей степени нашла выражение в лирике А. А. Ржевского, преодолевающего в своем творчестве классицистические жанровые ограничения и ориентирующегося в первую очередь на индивидуальные переживания. Поэты «Полезного увеселения» стремятся художественно изобразить сложность и многогранность человеческой натуры. Классицистическая система жанров не была приспособлена для такой цели, поэтому стихотворения, публикуемые в журнале, группируются в циклы, объединяющие произведения различных жанров, что позволяет связать тексты, выражающие противоположные идеи, и таким образом отразить целостное мироощущение. Создавая идеальную концепцию земного бытия, художники в то же время показывают, что в реальной жизни достичь идеала сложно, а порой и невозможно. Чувства, в особенности любовное, далеко не всегда поддаются разумному ограничению. Человек в земной жизни стремится не к тем благам, которые для него определил Господь, и потому направляет свою жизнь по ложному пути. Истинный же путь к покою неотделим от движения к добру, любви и к Богу, приходящему на зов страждущего, желающего обрести душевный покой.

Гуковский Г. А. Ржевский // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 157–183.

Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века : учебник. М., 2003. 453 с.

Западов А. В. Поэты XVIII века (М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин). М., 1979. 312 с.

Западов А. В. Поэты XVIII века (А. Кантемир, А. Сумароков, В. Майков, М. Херасков). М., 1984. 240 с.

Лейбниц Г. В. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М., 1989. 554 с.

Минералов Ю. И. История русской словесности XVIII века : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2003. 256 с.

Москвичева Г. В. Жанры русского классицизма: из лекций по спецкурсу. Ч. 2. Горький, 1974. 192 с.

ПУ — Полезное увеселение. 1760 — 1762.

Сахаров В. И. Русская масонская поэзия (к постановке проблемы) // Масонство и русская литература XVIII — начала XIX в. / под ред. докт. филол. наук В. И. Сахарова. М., 2000. С. 66—118.

Серман И. З. Державин. Л., 1967. 119 с.

Смусина М. Л. Элегии А. А. Ржевского // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. От классицизма к романтизму. Вып. 1. Л., 1974. С. 25—32.

Федоров В. И. Русская литература XVIII века. М., 1990. 351 с.

Статья поступила в редакцию 13.04.2011 г.

УДК 821.161.1-311.2

А. С. Поршнева
А. В. Бороненко

СОВРЕМЕННОЕ ЖЕНСКОЕ ЧТЕНИЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ «РОМАН О ЗОЛУШКЕ»*

Анализируется интерес современных писательниц к популярным зарубежным любовным романам, объединенным общим сюжетом «истории о Золушке». Предлагаются результаты анкетирования, проведенных в рамках исследования, посвященного особенностям восприятия современной зарубежной массовой литературы российскими читательницами.

Ключевые слова: современное женское чтение; зарубежный роман; сюжет о Золушке.

В прошлом году группа исследователей кафедры зарубежной литературы Уральского государственного университета начала заниматься изучением особенностей восприятия современной зарубежной массовой литературы российскими читателями. На начальных этапах исследования были проведены два анкетирования, цель которых заключалась в выявлении основных предпочтений современных российских читателей в области зарубежной литературы. В результате, в частности, был установлен ряд однозначных гендерных «привязок» читательских предпочтений. Так, читательницы чаще предпочитают читать произведения, написанные женщинами, а из жанров наиболее привлекательным для них является любовный роман. На основании подобной информации был сделан вывод о том, что любовный роман — это жанр, ориентированный преимущественно на женскую аудиторию.

---

* Публикуется в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» при поддержке гранта Министерства образования и науки Российской Федерации № НК-643Р-50.